

А. И. Иванчик

О ДАТИРОВКЕ ПОЭМЫ «АРИМАСПЕЯ» АРИСТЕЯ ПРОКОННЕССКОГО

Аристей Проконнесский — одна из самых загадочных фигур в древнегреческой литературе. Античные авторы, начиная уже с Геродота (IV. 13—16), приписывали ему самые сверхъестественные качества, он был объектом религиозного поклонения и в то же время считался автором вполне реальной поэмы, описывающей путешествие к далекому северо-восточному народу исседонов, вроде бы совершенное ее автором после его чудесного исчезновения из родного города. Фрагменты этой поэмы, которую поздние авторы называют «Аримаспея», сохранились у Иоанна Цецца и Псевдо-Лонгина¹, однако их подлинность подвергалась сомнению². Датировка поэмы Аристея и времени его жизни также являются дискуссионными. Некоторые авторы относили поэму к VI в. до н. э.³, не приводя, впрочем, развернутой аргументации, однако в настоящее время большинство исследователей считает (в большей степени следуя античной традиции), что Аристей жил в VII в. до н. э.⁴ Той же точки зрения ранее придерживался и автор данной статьи⁵, однако сейчас она представляется нам сомнительной. Рассмотрим имеющиеся свидетельства о времени создания «Аримаспеи» и жизни ее автора.

Terminus ante quem написания поэмы дает первая строка фрагментов, сохранных Иоанном Цеццем (Chil. VII. 687. Fr. 3 Bolton): Ἰσσηδοὶ γαίτησιν ἀγαλλόμενοι τακίται — исседоны красующиеся длинными во-

¹ Kinkel G. *Epicorum Graecorum fragmenta*. V. I. Lpz, 1877. P. 245; Bolton J. D. P. *Aristeas of Proconnesus*. Oxf., 1962. P. 207 f.; новое издание фрагментов Аристея — Bernabé A. *Poetarum epicorum graecorum testimonia et fragmenta*. P. I. Lpz, 1988. P. 150—154 — вышло в свет после сдачи данной работы в печать и не могло быть нами учтено в полной мере.

² Bolton. Op. cit. P. 7—19.

³ Bethe E. *Aristeas* // RE. 1896. Bd. II. Sp. 876 ff.; Schmid W., Stählin O. *Geschichte der griechischen Literatur*. Bd I, 1. München, 1929. S. 302 f.; Meuli K. *Scythica* // Hermes. 1935. 70. S. 154; Fränkel H. *Dichtung und Philosophie des frühen Griechentums*. N. Y., 1951. P. 318—321.

⁴ Tomaschek W. *Kritik der ältesten Nachrichten über den scythischen Norden*. I // SBAW. 1888. 116. S. 731; Herrmann A. *Issedoi* // RE. 1916. Bd. IX. Sp. 2235; Moravcsik Gy. *Abaris. Priester von Apollon* // Körösi-Csoma Archivum. 1936. 1. Hft. 2. S. 110 ff.; Phillips E. D. *The Legend of Aristeas* // *Artibus Asiae*. 1955. 18. P. 163; Bowra C. M. *A Fragment of the Arimaspea* // CQ. 1956. 49. P. 1—10; Bolton. Op. cit. P. 5 ff.; Пьянков И. В. Рец.: Bolton. Op. cit. // ВДИ. 1967. № 4. С. 175; он же. *Кочевники Казахстана VII в. до н. э. и античная литературная традиция* // *Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока*. М., 1978. С. 186; Dowden K. *Deux notes sur les Scythes et les Arimaspes* // REG. 1980. 93. P. 489.

⁵ Иванчик А. И. *О киммерийцах Аристея Проконнесского (Hdt. IV, 13)* // *Античная балканистика*. М., 1987. С. 54.

лосами». Она, по-видимому, является реминисценцией строки Гомера (II. XX. 222), полностью соответствующей ей ритмически и структурно: *θήλειαι πόλοισιν ἀγαλλόμεναι ἀταλῆσι*. В то же время, как заметил Дж. Болтон⁶, эта строчка Аристея была процитирована Ксенофаном, изменившим ритмику Гомера и Аристея, но сохранившим слова, употребленные последним: *ἀγαλλέοι γαίτησιν ἠγαλλόμεν εὐπρεπέεσσιν*⁷ (fr. 3, 5 Gentili-Prato apud Athen. XII. 526 A). Поскольку во 2-й строке того же фрагмента говорится: *ὄφρα τυραννίδος ἦσαν ἄνευ στυγερῆς* — «пока были без ужасной тираннии», причем имеется в виду время до захвата греческих городов Гарпагом в 545 г.⁸, то эти строки, вероятно, написаны Ксенофаном после 545 г. до н. э. В то же время, как мы знаем из 7-го фрагмента Ксенофана (Gentili-Prato apud Diog. Laert. IX. 18—19), в это время ему было 25 лет, а дожил он до 70-х годов V в. до н. э. Таким образом, «Аримаспея» была написана раньше 470-х годов до н. э. Этот *terminus* подтверждается и сообщением о том, что Аристей был известен Пиндару (Orig. Contra Cels. III. 26), литературная деятельность которого проходила в первой половине V в. до н. э. Цитирование Аристея Ксенофаном является лучшим доказательством аутентичности сохранившихся стихотворных фрагментов «Аримаспеи», тем более что никаких специальных оснований сомневаться в их подлинности нет. Попытаемся поэтому рассмотреть словоупотребление сохранившихся фрагментов Аристея, что, возможно, даст некоторые основания для датировки поэмы.

Фр. 3 (здесь и далее нумерация фрагментов дается по Дж. Болтону): *γαίτησιν παναῆσι* «длинными, распущенными волосами». Слово *παναός* встречается в гомеровском эпосе лишь однажды (II. XVI. 589), однако там засвидетельствовано достаточно много композитов, в которые оно входит первым элементом, так что слово имеет вполне «гомеровский» облик. Все же в его употреблении у Гомера и Аристея можно увидеть определенную разницу. Дело в том, что закрепленное в греческом языке за словом *παναός* значение «длинный» не является исходным. Как показывают данные других индоевропейских языков, первоначально оно должно было означать «тонкий» (ср. лат. *tenuis*, скр. *tanuh*, лит. *tenvas*, ирл. *tana*, др. исл. *þunngr* с этим значением). Следует заметить, что такое значение не совсем чуждо и греческому языку — так, совершенно четко оно выступает в композите *παναύφης* — «тонкотканый» (Hesych. Suda. s. v.; ср. Soph. Tr. 602: *τόνδε παναύφῃ πέπλον*⁹; ср. Schol. cod. Flor. Laur. 32.9: γρ. *δὲ αὐφῆ ἀντί τοῦ λεπτοῦφῆ*). То же значение приведенный контекст Софокла заставляет предполагать и в гомеровском эпитете *πανόπελος* — «в тонком одеянии», а не «в длинном одеянии», (Г, 228; δ 305; о 171 — о Елене, Σ 385, 424 — о Фетиде; ср. IG. I². 356, 817). Его же, конечно, подразумевает и эпитет *πανόφλοιοις* — «с тонкой (а не длинной) корою» (*κράνεια* — II. 767, *αἰγίερος* — Soph. Fr. 593.2). Видимо, то же значение следует иметь в виду при толковании гомеровских композитов

⁶ Bolton. Op. cit. P. 17. |

⁷ *γαίτησιν* A: em. Musurus / *ἀγαλλόμεν* A, *ἀγαλλόμενοι* v. l.: *ἀγαλλόμεν'* Casaubonus, Diehl, alii, sed neque *synaloepe* -οι-εὐ- usitata neque *elisis* admissa (Poetae elegiaci, testimonia et fragmenta/ Ed. B. Gentili, C. Prato. P. I. Lpz, 1979. P. 174); *ἀγαλλόμενοι* Wilamowitz, probb. Diels-Kranz, Snell.

⁸ Boffo L. La conquista persiana delle città greche d'Asia Minore // Atti della Accademia Nazionale dei Lincei. Classe di Scienze morali, storiche e filologiche. Serie VIII. 1983. 26.

⁹ Wunder emendavit ex γ' εὐφῆ — Sophoclis] Tragoediae. T. II / Ed. R. D. Dawe. Lpz, 1985. P. 22.

ταναήκης, ταυηήκης, ταυηγλώχιν, которые обычно передаются как «имеющий длинное лезвие, наконечник», *longam habens aciem*¹⁰. Это значение, хорошо подходящее для меча или копья, кажется странным, когда речь идет, скажем, о топоре (Ψ 118¹¹), поэтому совершенно правильным представляется здесь перевод Н. И. Гнедича «изошренную медью», т. е. интересующее нас слово должно пониматься скорее как «имеющий тонкое, т. е. остронапоченное, острие». Соответственно и слово ταυηλεγγής, являющееся постоянным гомеровским определением смерти, следует толковать как «остро горестная» (ταυηός + ἀγγεῖν), значение же «долго горестная» представляется менее подходящим¹². Отдельно следует сказать о композитах ταυηπτερος, ταυηπτέρυξ, ταυησιπτερος — «с большими, т. е. распростертыми крыльями», которые связаны скорее с глаголом ταυηω, имеющим то же значение, что и лат. *tendo*, скр. *tanōti / tanūtē* (от и.-е. **ten-* — «натягивать, простирать»). В развитии значения «длинный» от «тонкий» слово, разумеется, должно было пройти стадию, где бы эти значения совмещались¹³. Похоже, что именно такую стадию демонстрирует гомеровское словоупотребление, где слово ταυηός (в том числе и в композитах) обозначает, как правило, тонкие и длинные, «длинномерные», предметы: Π. 589: αἰγανέης ταυηοῖο — «длинного и/или тонкого дротика»; Нумп. V. 454: ταυηοῖοι ἀσταχύοισιν — «тонкими и длинными колосьями» и т. д.¹⁴

Поучительно в связи со сказанным сравнение интересующего нас текста Аристея с одним контекстом Гесиода (Op. 516), который на первый взгляд близок к нему — в нем упоминается ταυηδριξ αἶξ (ср. также *Semopid. Fr. 7, 2 D: ἐξ ὄος ταυηδριγος* — «от свињи с длинной щетиной»). Однако у Гесиода еще не произошел окончательный сдвиг значения, и употребление слова остается целиком гомеровским. В соответствии с гомеровским узусом во вторую часть композита входит слово δριξ, обозначающее «длинномерный» предмет — волос. Употребление же Аристеем слова ταυηός уже выпадает из гомеровского узуса, поскольку у него это слово уже целиком потеряло значение «тонкости» — если отдельный волос еще может расцениваться как «длинномерный» предмет, то вся шевелюра — γαῖτη, сома, — конечно, не может считаться таковой. В этом отношении контекст Аристея стоит рядом с пиндаровским композитом ταυηέθειρα (Ol. II. 26 — О Семеле) «длинноволосая», «длиннокудрая», а также с еврипидовскими πλόχαμος ταυηός и ὀβρηγ ταυηοῖο (Vasch. 455, 831). Здесь, как и у Аристея, произошла полная утрата первоначального смысла разбираемого слова. Итак, значение слова ταυηός у Аристея несколько отличается от гомеровского и гесиодовского и одинаково с употреблением у Пиндара и более поздних авторов. Впрочем, сделанные наблюдения сами по себе не могут служить достаточным основанием для каких-нибудь выводов о дате разбираемого контекста.

Фр. 4.1—2. καὶ φάσ(αν)¹⁵ ἀνθρώπους εἶναι καθύπερθεν ἰμούρους πρὸς βορέην — «и говорят, что есть люди, соседние к северу, в глубь материка». Этот фрагмент особенно важен для определения дат жизни Аристея,

¹⁰ LSJ. P. 1755; *Ebeling H. Lexicon Homericum*. V. II. Lpz, 1880. P. 312.

¹¹ В словаре Эбелинга опечатка: стоит δ 257.

¹² Ср. *ibid.*: «valde dolorosus».

¹³ Бенвенист Э. Семантические проблемы реконструкции // *Общая лингвистика*. М., 1974. С. 331 слл.

¹⁴ Композиты см.: *Ebeling. Op. cit.* P. 312.

¹⁵ σφᾶς codd. σφεας conl. Koechly, Kinkel, φας' Hubmann. φᾶς(αν) Ebert, Bernabé.

поскольку содержит в себе лексику, совершенно не характерную для эпоса, однако типичную для ранней ионийской прозы, включая Геродота. Уже отмечалось, что этот текст производит впечатление стихотворного переложения отрывка из Гекатея¹⁶, однако из этого наблюдения не были сделаны надлежащие выводы. Действительно, употребленное здесь слово *ἄορος*: совершенно неизвестно ни гомеровскому, ни гесиодовскому эпосу, ни ранним лирикам и впервые появляется лишь в ионийской логографической литературе, где употребляется достаточно широко. Так, у Геродота оно встречается шесть раз¹⁷. В сохранившихся немногочисленных дословных цитатах Гекатея слово *ἄορος* не попадает, однако очень часто употребляется глагол *ἄορῶ* (fr. 163, 203, 204, 207 Jacoby). Что касается двух других географических терминов — *καθ' ὑπερθε(ν)*¹⁸ и *πρὸς βορέω*, то с ними дело обстоит несколько иначе. Они встречаются у Гомера, правда, крайне редко в географическом значении: *Φρ. γ. ἴη καθ' ὑπερθε* — Ω 545; *καθ' ὑπερθε Χίοιο* — γ 170; *αἱ μὲν πρὸς Βορέασο. . . αἱ δ' αὖτ' πρὸς Νότον* — ν 110¹⁹. Но чисто географическое сочетание *καθ' ὑπερθεν. . . πρὸς Βορέω* совершенно чуждо эпосу, однако вполне естественно в ионийской географической литературе²⁰. Сочетание же трех географических терминов подряд: *καθ' ὑπερθεν ἄορος πρὸς βορέω*, вряд ли возможное в ранней поэзии, вполне органично вошло бы в прозаическое ионийское описание (ср. у Гекатея: *πρὸς μεσημβρίαν (νότον, ἤλιον ἀνίσχοντα) ἄορῶσι*: fr. 163, 203, 204, 207 Jacoby). Наличие этих слов у Аристея подразумевает его знакомство не только с гомеровским эпосом, но и с ионийской географической литературой, а значит, и с картой.

Фр. 4, 2 *καρτα* — «очень, весьма». Употребление этого слова выдает принадлежность Аристея тому же кругу, что и ионийские логографы. Слово *καρτα* неизвестно раннему эпосу. Впервые оно встречается, кажется, только у Гиппонакта: *καρτα γὰρ κακῶς ῥιγῶ* (fr. 42a, 2 Degani.). В ионийской прозе это слово употреблялось чрезвычайно широко (у Геродота — 93 раза²¹). Затем оно вошло в литературный язык, однако в других жанрах, кроме аттической трагедии, находившейся под сильным влиянием ионийской литературы, встречалось крайне редко²². Можно привести примеры его употребления и в дактилической поэзии (кроме приведенных Дж. Болтоном²³ см. еще Theog. V. 135: *καλόν τι με καρτ' ἐφίλασεν*).

Таким образом, упомянутые выше географические термины вместе со словом *καρτα* не только заставляют датировать поэму Аристея по меньшей мере концом VI в. до н. э., но и позволяют считать, что он черпал свою информацию из трудов ионийских логографов.

Фр. 4, 3: *(ἀνθρώπους) ἀφνειοὺς ἵπποισι, πολυῶρηνας, πολυβοῦτας* — «(люди), богатые лошадьми, с многими овцами и коровами». В противоположность предыдущей эта строка обнаруживает тесные связи с эпической традицией, и в ней используются слова, не употреблявшиеся в ионийской прозе. Уже указывалась ее связь со следующими эпическими

¹⁶ Bolton. Op. cit. P. 17.

¹⁷ См. Powell J. E. A Lexicon to Herodotus. Hildesheim, 1966. P. 265.

¹⁸ О значении с разбором соответствующих контекстов см.: Подосинов А. В. Из истории античных географических представлений // ВДИ. 1979. № 1. С. 155—165.

¹⁹ В словаре Snell B., Erbse H. u. a. Lexicon des frühgriechischen Epos. Lfg. 10. Göttingen, 1982. S. v. Βορέας — единственный пример на значение «reine Richtungsangabe».

²⁰ Ср. контексты у Геродота: Powell. Op. cit. P. 61.

²¹ Powell. Op. cit. P. 183.

²² LSJ. P. 880.

²³ Bolton. Op. cit. P. 18.

текстами: Hom. I. 154, 296; Hesiod. Catal. Fr. 134 R = 240 M-W; Carmen Naupact. Fr. 2 Kinkel²⁴, однако высказанное Дж. Болтоном предположение, нужное ему для доказательства ранней даты «Аримаспей», о том, что прямым источником Аристея послужила «Илиада», а гесиодический автор «Каталога» заимствовал уже из него, не представляется убедительным. Действительно, очевидна близкая связь между второй — третьей строками гесиодического отрывка

Ἔστι τις Ἑλλοπίη πολυλήιος ἥδ' εὐλείμων
ἀφνειή μῆλοισι καὶ εἰλιπόδεσσι βόεσσιν.
ἐν δ' ἄνδρες ναῖουσι πολύρρηγες, πολυβοῦται,
πολλοί, ἀπειρέσιοι, φύλα θνητῶν ἀνθρώπων

и аристеевским ἀφνειούς ἵπποισι, πολύρρηγας, πολυβοῦτας. Однако при этом первый текст в отличие от второго чуть ли не целиком составляют точные цитаты из раннего эпоса. Не говоря уже о том, что в первой его строке находятся сразу два гомеровских гапакса (πολυλήιος — E 613; εὐλείμων — δ 607), а вторая часть второй строки — εἰλιπόδεσσι βόεσσι — это гомеровская формула²⁵, остальные части строк 2—4 являются дословным воспроизведением более ранних текстов. Слова строк 3—4 ἐν δ' ἄνδρες... πολλοί, ἀπειρέσιοι цитируют строки 173—174 XIX песни «Одиссеи»: ἐν δ' ἄνθρωποι πολλοί, ἀπειρέσιοι, а идущее дальше φύλα θνητῶν ἀνθρώπων — вторую половину 578-й строки гомеровского гимна к Гермесу (совпадение полное, в том числе и по положению в строке, причем более в гомеровских текстах это сочетание не встречается²⁶), в свою очередь «склеенную» из двух гомеровских формул: φυλ' ἀνθρώπων и θνητοῖ(ων) ἀνθρώποι(ων)²⁷. Но в данном случае для нас гораздо важнее строки 2—3, связанные с разбираемым фрагментом Аристея. Гесиодический текст здесь в отличие от аристеевского демонстрирует прямую связь с «Илиадой», строку которой (IX. 154 и 296) он полностью воспроизводит. ἐν δ' ἄνδρες ναῖουσι πολύρρηγες, πολυβοῦται, и, что не менее важно, с гесиодовскими «Трудами и днями», часть 120-й строки которых (ἀφνειοί μῆλοισι) он также повторяет. Таким образом, три строки разбираемого фрагмента «Каталога» как бы склеены из четырех цитат — из «Илиады», «Одиссеи», гомеровского гимна и «Трудов и дней» с единственным минимальным изменением. Строка же Аристея, еще на шаг удаляющаяся от первоначальных образцов, представляет собой, очевидно, уже цитату из «Каталога». Первая ее часть — это начальная часть 2-й строки фрагмента 240 (134) с изменением μῆλοισι на ἵπποισι, а вторая — последующая часть 3-й строки с изменением лишь падежа. При этом для аристеевской цитации характерно (ср. выше о связи фр. 3 Аристея с Y. 272), что метрическая схема источника в точности сохраняется. Здесь уместно заметить разницу в употреблении слова ἀφνειός у Гомера и Аристея, также имеющую хронологическое значение. Гомер, у которого достаточно часто встречается это слово, всегда ставит при нем генитив (βίοτοιο — E 544, Z 14, E 122, γρυσοῖο — α 165²⁸), а более поздние авторы, начиная с Гесиода (Op. 120; fr. 240, 2 M-W; ср. Theocr. XXIV. 108; XXV.

²⁴ Bowra. Op. cit. P. 9; Bolton. Op. cit. P. 16.

²⁵ Schmidt C. E. Parallel-Homer. Göttingen, 1885. S. 61: I 466, O 547, Φ 448, Ψ 166, α 92, δ 320, θ 60, ι 46.

²⁶ Ebeling. Op. cit. P. 455 f.

²⁷ Контексты см. Schmidt. Op. cit. S. 107, 237.

²⁸ Ср. Mader B. s. v. ἀφνειός // Snell, Erbse. Op. cit. Lfg. 9. 1978. S. 1711—1713.

119), — *dativus limitationis*. Таким образом, Аристей здесь следует за более поздним узусом Гесиода.

Предполагать независимое от «Каталога» использование Аристеем гомеровского и гесиодовского образцов здесь невозможно — такое совпадение совершенно невероятно. Сопоставлявший же с аристеевским текстом фрагмент «Навпактийских песен»: ἀλλ' ὃ μὲν οὖν ἐπὶ θινὶ θαλάσσης εὐρυπόροιο//οἰκία γαιετάσχε πολύρρηγν, πολυβοώτης (fr. 2 Bernabé. P. 124, см. аппарат), наоборот, по нашему мнению, представляет независимую от Аристея и автора гесиодического «Каталога» аллюзию на упомянутые выше места из «Илиады».

Любопытно, что разобранный гесиодический фрагмент «Каталога» был весьма популярен: он послужил образцом не только для Аристея, но позже и для Феокрита в его описании хозяйства Авгия (XXV, 85 слл.). Феокрит, однако, обращался со своим образцом гораздо свободнее, заимствуя из него редкие слова высокого стиля, но распространяя их по достаточно большому пространству текста (стк. 99: βοῶν ἐλιπόδων; стк. 100: ἀπειρεσίων περ ἑόντων; стк. 117: οἱ γε πολύρρηγνες πάντων... ἐκ βασιλῆων; стк. 119: δῶρον ἀφνειὸν μῆλοισι; стк. 131: πᾶσιν ἐλιπόδεσσι, субстантивированно). Следует заметить, что все эти слова (кроме ἀφνειός) встречаются у Феокрита только в данном отрывке²⁹.

Очевидно, что Аристей при написании своей поэмы пользовался гесиодическим «Каталогом женщин», что может служить еще одним основанием для его датировки. К сожалению, дата написания самого «Каталога» до сих пор с полной уверенностью не определена и помещается обычно в пределах VI в. до н. э., вероятнее всего, его первой половины³⁰.

Фр. 5,2. χαίτησιν λάσιοι, πάντων στιβαρότατοι ἀνδρῶν — «с лохматыми волосами, самые мощные из всех людей». Уже отмечалось, что в противоположность гомеровскому и гесиодовскому употреблению здесь определения λάσιος и στιβαρός относятся не к предметам, животным или частям тела, а к людям³¹. Для στιβαρός это соответствует более позднему словоупотреблению (Aristoph. Thesm. 639), что еще раз указывает на необходимость датировать поэму Аристея более поздним временем, чем VII в. до н. э. Что касается сочетания χαίτησιν λάσιοι, то с ним дело обстоит интереснее. Следует сразу отметить, что замечание Дж. Болтона, будто самая ранняя аналогия такому употреблению датива, как здесь, имеется только у Ксенофонта — результат странного недоразумения. Несколько строками ниже он сам цитирует уже разобранные нами тексты «Аримаспей» и «Каталога женщин», дающие примеры *dativus limitationis* — ἀφνειός ἵπποισι/μῆλοισι. Следовательно, он известен уже и Гесиоду (Op. 120 — ἀφνειοὶ μῆλοισι). Кроме того, необоснованным выглядит его предположение о том, что аримаспы были целиком покрыты шерстью, а не имели лишь длинные лохматые и запущенные волосы. Значение «шерсть, волосы на теле» за словом χαίτη не фиксируется — оно всегда означает либо шевелюру, либо гриву коня или льва³².

В то же время, действительно, слово λάσιος к человеческим существам обычно не прилагается. Однако близкую аналогию аристеевскому

²⁹ По: Rumpel I. Lexicon Theocriteum. Lpz, 1879. ss. vv.

³⁰ Stive K. Die Entstehungszeit der hesiodischen Frauenkataloge // Philologus. 1962. 106. S. 291—299; 1963. 107. S. 1—29 с литературой; bes.: 1963. 107. S. 20—29; ср. Lesky A. Geschichte der griechischen Literatur. Bern—München, 1963². S. 123 f.

³¹ Bowra. Op. cit. P. 8; Bolton. Op. cit. P. 13.

³² LSJ. P. 1970.

употреблению слова *λάσιος* мы находим у Феокрита (XI. 50): *αἰ δὲ τοι αὐτὸς ἐγὼν δοῶω λασιώτερος ἤμεν* — «если же тебе я сам кажусь слишком волосатым». Несколькими строками раньше в той же идиллии это слово употребляется еще раз (*λασία... ὄφρυς*). Вряд ли случайно, что столь необычное употребление разбираемого слова у Феокрита относится к циклопу (все остальные случаи его употребления у этого автора относятся к животным или, метафорически, к деревьям, даже части тела так не определяются), а у Аристея — к одноглазым аримаспам. Связь между образами аримаспов и циклопов отмечали уже древние авторы (Strabo. I. 2.10; Aul. Gell. IX. 4. 6), и неудивительно, что Аристей при описании аримаспов в своей поэме придавал им некоторые черты известных более ранней литературе циклопов³³. Как мы видели, Аристей и Феокрит пользовались по крайней мере одним общим источником, поэтому не будет излишне смелым предположение, что употребление слова *λάσιος*, вообще не характерное для греческой литературы в приложении к человеческим существам, в данном случае также является аллюзией на один и тот же не дошедший до нас текст. Вероятно, как-то связано с этим источником (и уж во всяком случае с этим образом, существовавшим в литературе) описание циклопа в филостратовых «Картинах» (II. 18.3): *ὄρειός τε καὶ δεινὸς γέγραπται γαίτην μὲν ἀνασείων ὄρθην καὶ ἀμφιλαφῆ πίτυος δίκην... στέρνον τε καὶ γαστέρα καὶ τὸ εἰς ὄνυχα ἦκον λάσιος πάντα*, где *λάσιος* также относится к описываемому персонажу целиком, сопровождаясь *accusativus limitationis*.

Фр. 7, 2. *ἀπὸ γῆθωνός ἐν πλάγροισι* — «далеко от земли, в морях». Слово *γῆθων* обозначает, собственно, поверхность земли³⁴ и именно такое значение имеет в эпосе. Поэтому, охотно противопоставляясь небу или связываясь с подземным миром, *γῆθων* редко соотносится с морем. Единственный случай такого употребления во всем гомеровском эпосе³⁵ (Ξ 272: *χεῖρὶ δὲ τῇ ἐτέρῃ μὲν ἔλε γῆθωνα πολυβοτείραν, τῇ δ' ἐτέρῃ ἄλα*) — совершенно особый. В этом контексте Зевс клянется, касаясь одной рукой поверхности земли, а другой — моря, так что связь с морем здесь внешняя и основное значение слова *γῆθων* сохраняется. Подобное же употребление встречается и в более поздних текстах (ср. Нумп. V. 69; XXX. 3), однако далее четкий смысл слова «размывается» и оно начинает обозначать вообще всякую землю, в результате чего появляется возможность противопоставлять море и *γῆθων* как бы по горизонтали. Самый ранний случай такого противопоставления сохранился во II гомеровском гимне к Аполлону Пифийскому (281), который датируется началом VI в. до н. э.: *ὀπλοῦσαν ἐκ πόντου ποτὶ γῆθονὶ νῆϊ μελαίνῃ ἔλθουσιν*. У Пиндара такое употребление уже становится регулярным: fr. 107 (74), 13: *ἢ πόντου κενέουσιν ἀνὰ πέδον γῆθονός*, ср. Ру. X. 51. Как видно, Аристей в данном случае следует узусу, сложившемуся не раньше VI в. до н. э. Что касается слова *ἐν πλάγροισι*, то уже отмечено отличие его употребления от принятого в ранней поэзии³⁶. Множественное число слова *πλάγρος*, встречающееся достаточно часто в раннем эпосе, в гомеровских гимнах, у Архилоха, Пиндара и т. д., всегда сопровождается определением (*ἄλος, πόντου, πόντων, θαλάσσης, Ὠκεανοῦ*). Первый случай независимого

³³ Bowra. Op. cit. P. 9. К этим же чертам следует отнести и сверхчеловеческую мощность аримаспов Аристея.

³⁴ LSJ. P. 1991.

³⁵ Ebeling. Op. cit. P. 471 f.

³⁶ Bolton. Op. cit. P. 13.

употребления множественного числа, насколько нам известно, дает Еврипид (Or. 990; Hel. 1210), позже оно встречается достаточно часто (e. g. Call. Hymn. IV. 36; Ap. Rhod. IV. 240). Это может служить еще одним аргументом в пользу поздней даты «Аримаспеи», если считать, что приведенные слова означают «далеко от земли среди моря»³⁷. Однако в связи с этим следует сделать одно замечание. Слово *πέλαγος*, часто встречающееся у Геродота³⁸, лишь однажды стоит у него во множественном числе (IV. 85): Δαρείος... ἐθρηϊτο τὸν Πόντον ἕντα ἀξιόθεητον πελαγέων γὰρ πάντων πέφυκε θαυμασιώτατος — «Дарий смотрел на Понт, достойный внимания, поскольку из всех морей он самый удивительный». Таким образом, и здесь множественное число обозначает не море вообще, а несколько определенных морей, и данный контекст в лексиконе Дж. Пауэлла справедливо отнесен к разделу «a particular sea». Можно считать, таким образом, что в ранней ионийской географической литературе (к сожалению, судить о словоупотреблении в ней можно лишь по единственному сохранившемуся труду Геродота) слово *πέλαγος* во множественном числе не употреблялось для значения «море вообще», «открытое море». Его употребление в этом значении абсолютно, без определений, как мы видели, невозможно и в других жанрах ранней литературы. Поэтому представляется верным перевод «люди живут на воде, вдали от земли, в морях» со значением *πέλαγος* — «некое определенное море». Такой перевод вполне понятен, если считать, что речь в этом отрывке идет о морях, плавающих по морям, и ведется она от лица не самого Аристея, а одного из исседонов³⁹. Если предлагаемый перевод верен, перед нами предстает еще один пример влияния словоупотребления ионийской прозы на Аристея.

Фр. 7,3. ἔχουσι γὰρ ἔργα πονηρά — «поскольку они переносят страдания». Как уже отмечал Дж. Болтон⁴⁰, употребленное здесь слово *πονηρός* неизвестно гомеровскому эпосу и гимнам, однако встречается уже у Гесиода (fr. 138, 139), прилагаясь к лицу и имея значение «несчастный, переносящий тяжелые страдания»: (Ἦρακλῆς) πονηρότατος καὶ ἄριστος. То же значение имеет оно и у Солона (fr. 19,1 Gentili-Prato: οὐδὲ μάκαρ οὐδεὶς πέλεται βροτός, ἀλλὰ πονηροὶ πάντας). Дж. Болтон верно указывает на то, что уже с V в. до н. э. в аттическом диалекте за словом *πονηρός* закрепляется значение «негодный, плохой в моральном смысле», однако это справедливо лишь для случаев, когда слово относится к людям. Употребление же его у Аристея не имеет с этими случаями ничего общего, поэтому утверждение Дж. Болтона о том, что «неморальный» смысл слова *πονηρός* в «Аримаспее» свидетельствует о ее ранней дате, лишено оснований. В действительности слово *πονηρός* в контекстах, аналогичных анализируемому, сочетаясь со словами *ἔργον*, *πράγμα* и др., означает «тяжелый, мучительный, горестный» и встречается достаточно часто и в аттической прозе (см., например, Thuc. VIII. 97), и в драме (Eur. Iph. Aul. 1347 — οἰωνόν; Aristoph. Pl. 352 — φορτίον), и в эллинистической поэзии (Theocr. XXIV. 67 — τι... πονηρόν). Однако такое значение слова *πονηρός* все же может служить хронологическим ориентиром. Оно, видимо, вторично и появляется в литературе позже, чем

³⁷ Cp. *ibid.* P. 8: «far from the land in the midst of the sea».

³⁸ Powell. Op. cit. P. 298.

³⁹ Подробно обосновано: Bowra. Op. cit. P. 1—10. В подтверждение этого предположения можно привести еще один аргумент — за исключением лишь одного контекста E 436 употребленное в отрывке Аристея слово *δοστηνός* встречается в греческом эпосе только в прямой речи; см. Harder M. s. v. // Snell, Erbse. Op. cit. Lfg. 11. 1984.

⁴⁰ Bolton. Op. cit. P. 13.

первое. Самый ранний случай такого употребления, насколько известно, имеется у Феогида (I. 274: *θανάτου τε καὶ πάσων νοσῶν ἐστὶ πονηρότατον*). Возможно, сюда же следует прибавить сильно разрушенный фрагмент Гиппонакта, сохранившийся на остраконе (fr. 67 Degani: *πονηρός [ἐννέωρος?]*). Ближайшую аналогию фрагменту Аристея дает «гомеровская» эпиграмма (XIV. 20: *αὐτοὶ... ὄρωσθε ἔργα πονηρά*), видимо, также относящаяся к VI в. до н. э. Таким образом, употребление слова *πονηρός* Аристеем не свидетельствует о его ранней датировке, как полагает Дж. Болтон, а напротив, соответствует узусу, сложившемуся, насколько можно судить, во второй половине VI в. до н. э.

Фр. 7.5. *φίλας ἀνὰ χειράς ἔχοντες* — «простирая свои руки». Употребление прилагательного *φίλος* в исконном, рефлексивном значении («свой, собственный»), обычное в гомеровском эпосе⁴¹, также рассматривается Дж. Болтоном как указание на раннюю дату «Аримаспеи»⁴². В действительности утверждение о том, что рефлексивное употребление слова *φίλος* в послегомеровских произведениях не встречается, неверно. Контексты с таким употреблением этого слова, относящимся к частям тела или предметам, достаточно многочисленны и в поэзии VII—V вв. до н. э. (Hom. Hymn. V. 41, 98, 181, 378; II. 346; Tyrt. Fr. 7, 25; 9, 23 Gentili-Prato; Pind. Ol. I. 4, 16, 38; Py. II. 17; III. 61; IV. 239), и в трагедии (Soph. El. 1138; Ph. 1128; Eur. Alc. 376; Hi. 856, 1238; Hec. 30, 1026; Sup. 361; Pho. 1710; Or. 372; HF. 564), и в эллинистической поэзии (Theocr. VII. 104; XVII. 65; XXI. 20; XXII. 206). Таким образом, употребление слова *φίλος* у Аристея не может служить хронологическим ориентиром.

Итак, нам удалось установить, что все слова из фрагментов Аристея, которые могли быть использованы для его датировки, не соответствуют словоупотреблению литературы VIII—VII вв. до н. э. и укладываются в узус, сложившийся в VI в. до н. э., а для некоторых слов даже во второй его половине. Кроме того, проведенный анализ показывает, что Аристей был знаком не только с сочинениями Гомера и Гесиода, но и с гесиодическим «Каталогом женщин», созданным, видимо, в первой половине VI в. до н. э. Наиболее важно, однако, то, что Аристей был знаком и с ранней ионийской историко-географической прозой, развивавшейся со второй половины VI в. до н. э. Этот вывод, правда, подтверждается только употреблением характерных для этих писателей слов в таких же, как и у них, сочетаниях, и установить, кем именно из логографов пользовался Аристей, не представляется возможным. Итак, «Аримаспея», судя по ее сохранившимся отрывкам, может быть датирована второй половиной VI — первой четвертью V в. до н. э.

Рассмотрим теперь аргументы, которые приводились в пользу ранней датировки поэмы Аристея, начав с тех, которые исходят из содержания ее текстов и сведений о ней.

Предполагалось, что указанием на время написания «Аримаспеи» может служить свидетельство Стефана Византийского о том, что Алкман знал о существовании исседонов⁴³. Использование данных словаря Стефана Византийского чрезвычайно затруднено плачевной историей его текста, который мы знаем лишь в эпитоме, а также отсутствием современного издания, учитывающего все рукописи⁴⁴. В статье «*Ἰσσηδόνες*» этого словаря сообщается, что Алкман единственный называет этот народ

⁴¹ Ebeling. Op. cit. P. 433—434.

⁴² Bolton. Op. cit. P. 14.

⁴³ Bolton. Op. cit. P. 5 ff., 40 ff.

⁴⁴ Последним остается устаревшее издание А. Meineke (Berolini, 1849).

²Ἰσσηδῶνας по чтению codici Rehdigerani, ³Ἀσσεδῶνας — Aldini, ⁴Ἀσεδῶνας — codici Vossiani. Таким образом, расхождение между рукописями касается качества первого гласного (А или Е) и количества второго (одна сигма в cod. V, конечно, обычная гаплография). Видимо, у Стефана здесь содержались и другие примеры, однако они были выброшены эпитоматором, который подвергал сокращению в первую очередь тексты статей (а не выбрасывал их целиком), исключая как раз указания на источники Стефана, особенно поэтические ⁴⁵. Эти выброшенные примеры заменились в эпитоме фразой: εἰρήσεται δὲ ἡ δευτέρα παρ' ἄλλοις διὰ τοῦ εἶ. Эта фраза, на наш взгляд, указывает на то, что Алкман знал форму со вторым долгим η, однако с полной уверенностью утверждать это нельзя. Что касается первого гласного, то трудно отдать предпочтение «А» или «Е» (ср., с одной стороны, Herodian. 9. 17: Ἀσσιδῶν ex Ἀσσηδῶν, а с другой — латинские передачи с начальным «Е», например, Mela. II. 2. 9.13), однако важно, что в любом случае они отличаются от «I» аристеевской передачи.

Объяснение отличия формы названия исседонов, даваемой Алкманом, от всех остальных можно видеть в происхождении поэта. Как известно, Алкман был уроженцем Сард и, следовательно, воспитывался в греко-лидийской среде. Лидийцам же, начиная по меньшей мере с начала 660-х годов, были хорошо известны киммерийцы, с которыми они не раз воевали, а позже и скифы, так что неудивительно, что у них были сведения об этих народах и их соседях. Видимо, этим и объясняется наличие у Алкмана информации о скифах (кроме разбираемого имеется еще одно бесспорное свидетельство об этом — упоминание «Колаксаева коня» — fr. 1.59). Естественно поэтому попытаться найти объяснение особенностям Алкмановой передачи названия исседонов в посредстве лидийского языка. Действительно, если предположить такое посредство, то первый гласный объясняется достаточно просто. В лидийском языке в некоторых случаях наблюдается взаимозаменяемость i/e, а кроме того, существовал специальный звук, средний между i и e (обозначается знаком ϙ), который мог быть передан в греческом двояко ⁴⁶. Поэтому следует отдать предпочтение в отношении первого звука варианту cod. R. Что же касается объяснения второго гласного, то можно заметить, что в лидийском (по крайней мере на письме) различие долгих и кратких если еще и существовало, то выдерживалось крайне нерегулярно.

Как бы то ни было, у Алкмана этноним «исседоны» фиксируется в форме, отличной от формы Аристеев и не сводимой к ней, в то время как форма последнего принадлежит той же традиции, что и передачи Гекатея, Геродота и, видимо, под их влиянием всей более поздней литературы. Постулировать, что формы Аристеев (Ἰσσηδοί) и Геродота (Ἰσσηδῶνες) принадлежат разным традициям ⁴⁷, не представляется возможным — это противоречит прежде всего словам самого Геродота, который использует в своем пересказе «Аримаспей» форму Ἰσσηδῶνες. Обе формы, вероятно, могли встречаться в одной поэме как метрические варианты (ср. у Стефана Византийского, где вряд ли имеется в виду один Аристеев: λέγονται καὶ Ἰσσηδοί τρισυλλάβως, Ἰσσιδοί AV, Ἰσιδοί R, corr. Holstenius). Образование формы Ἰσσηδοί могло легко происходить в эпической поэзии

⁴⁵ См. об этом: *Allenstaedt F.* De Hecataei Milesii fragmentis quae ad Hispaniam et Galliam pertinent. Diss. Lpz., 1891. P. 6—7.

⁴⁶ *Gusmani R.* Lydisches Wörterbuch. Heidelberg, 1964. S. 30—31.

⁴⁷ См. указ. в прим. 4 рец. И. В. Пьянкова. С. 175.

за счет усечения суффикса -*ōn*-⁴⁸, обычного при образовании названий одушевленных объектов⁴⁹. Учитывая сказанное, вряд ли можно согласиться с Дж. Болтоном в том, что Алкман был знаком с «Аримаспеей». Скорее правы те исследователи, которые считают, что Алкман еще не знал ее, поскольку она была написана позже, чем его произведения⁵⁰.

Знакомство Алкмана с «Аримаспеей» также невозможно подтвердить упоминанием о Рипейских горах во фрагменте 59⁵¹, поскольку они были достаточно известны в греческой литературе и помимо Аристея. Видимо, греческие представления о северных горах восходят к общему корню с аналогичными индоиранскими представлениями⁵², а не заимствованы у этих народов. Подтверждением этого может служить этимология греческого названия северного ветра *Βορέης*, происходящего от корня со значением «гора»⁵³, в сопоставлении с отраженным в греческой литературе устойчивым представлением о том, что жилище Борея находится в великих северных горах, а также и то, что у греков с самого раннего времени наличествует вся мифологическая система, связанная с северными горами, а не ее отдельные элементы. Такое совпадение индоиранских и греческой традиций, отмечавшееся и на других примерах⁵⁴, видимо, свидетельствует не об индоевропейской, а о более поздней ареальной общности.

Что касается самого термина *Ῥῖται*, то также не обязательно предполагать его заимствование у какого-нибудь иранского народа (например скифов⁵⁵) — он, так же как и соответствующее представление у греков, может восходить к общему с индоиранцами корню. В пользу такого предположения, возможно, говорит наличие гомеровского топонима *Ῥῖτη* (В 606) (с предположительным значением «гора»), относящегося к горной Аркадии — наиболее консервативной в языковом и культурном отношении греческой области. Впрочем, данный топоним не обязательно связан с названием северных гор. То, что в греческой традиции древнее слово для обозначения горы сохранилось лишь в специфическом значении «великие северные горы», вполне соответствует и индоиранским данным, согласно которым оно фиксируется лишь в одном месте Ригvedы (III. 5) в названии мифической горы и в имени скифского мифологического персонажа Липоксея⁵⁶. Кстати, против предположения о заимствовании слова *Ῥῖται* греками у скифов говорит скифская его форма, где уже произошел переход *r* → *l*. Кроме того, и из общих соображений трудно предполагать значительное влияние скифской мифологии на греческую, причем проявляющееся уже в VII в. до н. э. Наконец, упоминание у Алкмана о Рипейских горах невозможно привлекать для доказательства его

⁴⁸ См. о нем: *Chantraine P.* La formation des noms en grec ancien. P., 1979. P. 158—169.

⁴⁹ О подобных поэтических новообразованиях у Гомера см.: *Тронский И. М.* Вопросы языкового развития в античном обществе. Л., 1973. С. 154—162 с литературой.

⁵⁰ *Schmid, Stählin.* Op. cit. S. 303; *Meuli.* Op. cit. S. 154.

⁵¹ Как утверждает Болтон (Op. cit. P. 40).

⁵² См. о них: *Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А.* От Скифии до Индии. М., 1983. С. 53—91.

⁵³ *Schwyzler E., Brugmann K.* Griechische Grammatik. Bd I. München, 1939. S. 461.

⁵⁴ См., например, *Durante M.* Ricerche sulla preistoria della lingua poetica greca // *Atti della Accademia Nazionale dei Lincei. Serie VIII. Rendiconti. Classe di Scienze morali, storiche e filologiche.* 1960. 15. P. 231—249; 1962. 17. P. 25—43.

⁵⁵ Как считают Г. М. Бонгард-Левин и Э. А. Грантовский (Уж. соч. С. 86—90).

⁵⁶ Там же. С. 85—90.

знакомства с Аристеем еще и потому, что у него это слово стоит в единственном числе: Ῥίπας ὄρος ἀνθέων βλα, а у более поздних авторов (в том числе у Дамаста, где можно предполагать заимствование у Аристея — fr. 1 Jacoby: τὰ Ῥίπαλα ὄρη) эти горы обозначаются множественным числом. При этом следует отметить, что ни в одном несомненном фрагменте Аристея Риши не упомянуты, не называет их и знакомый с его поэмой Геродот, так что предположение о том, что Аристей знал это наименование, остается под вопросом. Упоминание Алкманом Колаксаева коня (о чем также пишет Дж. Болтон), разумеется, тоже не может говорить о его знакомстве с Аристеем, а скорее свидетельствует о самостоятельном источнике сведений о скифах. Итак, можно полагать, что поэмы Аристея Алкман не знал. К сожалению, время жизни Алкмана определить с полной уверенностью невозможно⁵⁷, однако упоминание им спартанского царя Латихида (см. Р. Оху. XXIV. 2390 = fr. 5 Page), уже умершего к моменту написания стихотворения, позволяет датировать его рубежом VII—VI или даже началом VI в. до н. э. (Латихид правил ок. 625—600 гг. до н. э.⁵⁸). Таким образом, тот факт, что Алкан не знал поэмы Аристея, дополнительно подтверждает уже установленную нами дату последнего.

Другой приводившийся в пользу ранней датировки поэмы Аристея аргумент также не выдерживает критики. Предположение о том, что мастер, изготовивший келермесское зеркало, был знаком с «Аримаспеей» и изобразил на нем один из эпизодов поэмы⁵⁹, сугубо гадательно. Прежде всего следует отметить, что комплексы Келермесских курганов, откуда происходит это зеркало, датируются Дж. Болтоном слишком поздним временем — второй четвертью VI в. до н. э., хотя в настоящее время принято, что Келермесские курганы должны датироваться концом VII в. до н. э. — примерно одновременно с вещами из Зивие или немного позже их⁶⁰. В то же время нет достаточных оснований считать келермесское зеркало⁶¹ продукцией греческого мастера, жившего в одной из колоний Тамани или Закавказья⁶². Как известно, в столь раннее время греческих колоний в этих местах просто еще не было, Пантикапей же, если и существовал, то был только что основан. В целом нет оснований отрывать серебряное зеркало от других предметов из келермесских курганов (секиры, меча, чаши и др.), а также и от предметов из Зивие — для них всех характерны общие приемы и мотивы орнаментации⁶³. Значение же для остальных келермесских ювелирных изделий традиций Передней Азии и Ирана достаточно хорошо известно. Вполне реально предположение о том, что они изготовлены переднеазиатскими мастерами, захваченными ски-

⁵⁷ Schneider J. La Chronologie d'Alcman // REG. 1985. 98. № 465—466, с предыдущей литературой.

⁵⁸ Forrest W. G. A History of Sparta. L., 1968. P. 21.

⁵⁹ Bolton. Op. cit. P. 5—7, 89—91.

⁶⁰ Иессен А. А. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе // Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954. С. 112; Пиотровский Б. В. Вандское царство. М., 1959. С. 248 сл.; Черненко Е. В. Древнейшие скифские парадные мечи (Мельгунов и Келермес) // Скифия и Кавказ. Киев, 1980. С. 25; Ильинская В. А., Тереножкин А. И. Скифия VII—IV вв. до н. э. Киев, 1983. С. 67; Галанина Л. К., Алексеев А. Ю. Келермесские древности // Киммерийцы и скифы. Тезисы Всесоюзного семинара. Ч. 1. Кировоград, 1987. С. 46.

⁶¹ Возможно, что это на самом деле фиала: Кузнецова Т. М. Зеркало (?) из Келермеса // Культура и искусство народов Востока. Тезисы конференции молодых ученых. М., 1987. С. 57—59.

⁶² См. Максимова М. И. Серебряное зеркало из Келермеса // СА. 1954. Вып. 21. С. 281; вслед за ней и другие ученые.

⁶³ Луконин В. Г. Искусство древнего Ирана. М., 1977. С. 19—34.

фами во время их походов (см. в названных выше работах). В связи с этим можно напомнить, что примерно на сто лет позже, когда греческое культурное влияние на Восток увеличилось, при строительстве дворца в Сузах Дарий привлёк мидийских и египетских, а не греческих ювелиров (хотя греки и использовались на других работах⁶⁴), так что в греческих мастерах скифы VII—VI вв. не нуждались. Келермесское зеркало скорее всего не связано с греческим миром и должно отражать лишь скифские и переднеазиатские представления и традиции. Однако даже если было бы безусловно доказано, что оно действительно сделано греком, все равно было бы невозможно основывать датировку поэмы Аристея на толкованиях его изображений хотя бы уже потому, что греческое изображение грифомахии было известно еще в позднеливийское время — например на ручке зеркала из Энкоми на Кипре⁶⁵.

Других аргументов в пользу датировки Аристея VII в. до н. э. основанных на изучении его текстов, насколько нам известно, не приводилось.

Итак, нет достаточных оснований относить «Аримаспею» к VII в. до н. э.: более вероятно ее датировка второй половиной, даже концом VI — первой четвертью V в. до н. э. Если принять эту дату, то поэма вполне вписывается в общее развитие греческой литературы с появляющейся именно в это время склонностью к мистицизму и чудесам, соседствующей с развитием ранней ионийской научной, в первую очередь географической литературы и соответствующего ей стиля *ιστορίη*⁶⁶.

Обратимся теперь к анализу античной традиции об Аристее Проконесском, на которой в значительной степени основывается ранняя датировка этого автора. Среди весьма многочисленных testimonia об Аристее⁶⁷ имеются лишь три (Herod. IV. 15; Strabo. XIV. 1.18; Suda. s. v.), достаточно определенно указывающие на время его жизни, и все они, по-видимому, принадлежат разным традициям. Два первых заставляют датировать Аристея самое позднее началом VII в. до н. э., однако сообщение Суды дает датировку, близкую к полученной нами. У Суды сказано: γέγονε (Aristéas scil.) δὲ κατὰ Κροῖσον καὶ Κόρον Ὀλυμπιάδι νη⁶⁸. Наличие датировки по олимпиаде и указание на количество книг в сочинениях Аристея в статье словаря свидетельствуют о том, что сообщение Суды восходит к эллинистическому источнику. Однако здесь видны и следы более ранней хронологической традиции — определение времени κατὰ Κροῖσον καὶ Κόρον, что совершенно верно было истолковано Э. Роде как указание на взятие Сард⁶⁹. Такое определение вполне соответствует обычным приемам хронологии раннего времени (ср. близкий пример: Xen. Fr. 13. 5 Gentili-Prato: πηλίκος ἦσθ' ὅθ' ὁ Μῆδος ἀφίκετο — «Какого ты был возраста, когда пришел мидянин?»). Все это заставляет с особым вниманием отнестись к сообщению Суды, за которым, очевидно, стоит ученость эллинистических филологов.

Значение γέγονε в данном случае не совсем ясно. Зафиксированы случаи, когда это слово означает у Суды рождение⁷⁰. Если так обстоит дело

⁶⁴ DSf, 47—55; Kent R. G. Old Persian. New Haven, 1953. P. 143.

⁶⁵ Lorimer H. L. Homer and the Monuments. L., 1950. Pl. II, 4.

⁶⁶ Об отражении этих особенностей в «Аримаспее» и ее родстве с трудами Ферекида см. еще: Fränkel. Op. cit. P. 318—321, 451.

⁶⁷ Bolton. Op. cit. P. 207—214.

⁶⁸ η' F, ὀγδόη V, v' mss: обоснование чтения νη' см. Rohde E. Γέγονε in den Biographica des Suidas // Kleine Schriften. Bd. I. Tübingen—Lpz, 1901. S. 136. Anm. 2.

⁶⁹ Ibid.

⁷⁰ Ibid. S. 141—145, 177.

с Аристеом, то данное сообщение полностью совпадает с нашими результатами исследования его текстов. Действительно, в таком случае следует признать, что Аристей родился ок. 545 г. до н. э. (3-й год 58 олимпиады, когда, согласно представлению античных хронографов, пали Сарды) и мог заниматься литературной деятельностью в последней четверти VI — первой четверти V в. до н. э. Такое понимание текста Суды кажется наиболее вероятным, однако существует и другая возможность. Дело в том, что ἡγεμονε у Суды, хотя иногда и указывает на дату рождения, в подавляющем большинстве случаев синонимично ἡκμαζε⁷¹. Однако и при таком понимании текста не возникает значительного противоречия с предложенной нами датой жизни Аристея. Эллинистические историки литературы при определении времени жизни того или иного лица стремились найти синхронизмы с известными историческими событиями или деятелями и считали полученные таким образом даты за время ἡκμαζε предмета своего изучения, независимо от того, сколько ему было лет (т. е. ἡκμαζε = ἡν). При этом часто датировки эллинистическими филологами древних писателей основывались на тщательном изучении текстов последних (ср. споры о времени жизни Архилоха, Гомера, Гесейода и др.⁷²) и время жизни автора определялось достаточно близко к реальному по упоминанию или неупоминанию тех или иных событий. Поэтому можно предположить (если считать, что ἡγεμονε здесь означает ἡκμαζε), что основой для достаточно точной эллинистической датировки Аристея, расходящейся с остальной, в том числе и более ранней геродотовской традицией, послужило упоминание им взятия Сард или намек на это событие, содержащийся в «Аримаспее». Если это так, то мы получаем еще один terminus post quem для «Аримаспеи» — 547 г. до н. э.⁷³, что очень близко к полученной по другим данным датировке.

Второе сообщение о времени жизни Аристея сохранилось у Страбона (XIV. 1.18), который говорит о том, что «некоторые» считают Аристея учителем Гомера, т. е. его старшим современником (ср. Tatian. Ad. Graec. 41 = Euseb. P. E. X. 11. 27). Это сообщение, очевидно, недостоверно, однако оно свидетельствует о том, что Аристей интересовал эллинистических филологов в связи с их гомеровскими штудиями. Это сообщение может быть сближено с другим, которым мы также обязаны Страбону (I. 2.10), о том, что Гомер описал своих циклопов, основываясь на сообщениях о реальных одноглазых аримаспах, упомянутых Аристеом. Однако вряд ли такое сближение могло послужить единственным фактором, влиявшим на появление представления о том, что Гомер и Аристей — современники. Гораздо важнее другое. Одним из главных событий ранней истории греческих городов Малой Азии было вторжение киммерийцев, в результате которого часть этих городов была разрушена. Эллинистические ученые использовали это нашествие как один из главных хронологических ориентиров для привязки других событий и определения времени жизни лиц, которые их интересовали. А поскольку Гомер упоминает киммерийцев (λ 14), они заключили, что поэт был современником их вторжения (Strabo. I. 1.10; 2.9; ср. Euphor. apud Clem. Alex. Strom.

⁷¹ Ibid. S. 177, Passim.

⁷² Rohde E. Studien zur Chronologie der griechischen Litteraturgeschichte // Kleine Schriften. Bd. I. Tübingen—Lpz, 1901; Jacoby F. The Date of Archilochos // CQ. 1941. 35.

⁷³ Реальная дата взятия Сард Кипром: Smith S. Babylonian Historical Texts Relating to the Capture and the Downfall of Babylon. L., 1924. P. 101, 116; Grayson A. K. Assyrian and Babylonian Chronicles. N. Y., 1975. P. 107.

I. 21, где Гомер датируется временем Гигеса). Аналогичный вывод был сделан и из упоминания Аристеом киммерийцев (Herod. IV. 13). Таким образом, Гомер и Аристей оказались современниками. Определенную роль здесь могли сыграть и ассоциации между Аристеом и такими боговдохновенными певцами, как Орфей и Лин (ср. Tatian. Ad Graec. 41 = Euseb. P. E. X. II. 27), которые также считались учителями Гомера. Итак, свидетельство Страбона, так же как и Суды, видимо, основывается на данных эллинистической филологии, но в отличие от него отражает весьма поверхностное изучение проблемы.

Теперь перейдем к анализу наиболее влиятельной традиции, которую представляет Геродот. В 15-й главе IV книги он говорит: *τάδε δὲ οἶδα Μεταποντίνοισι τοῖσι ἐν Ἰταλίῃ συκκρήσαντα μετὰ τὴν ἀφάνισιν τὴν δευτέραν Ἀριστεῷ ἔτεσι τεσσαράκοντα καὶ διηκοσίοισι, ὡς ἐγὼ συμβαλλόμενος ἐν Προκοννήσῳ τε καὶ Μεταποντίῳ εἶρισκον* — «Следующее же, я знаю, случилось у италийских метапонтий на 240-й год после второго исчезновения Аристея, как я нашел, сопоставив бывшее в Проконнесе и Метапонте». Имеющееся в некоторых рукописях (DRSVP) чтение *τριηκοσίοισι* должно быть отвергнуто, поскольку чтение *διηκοσίοισι* дают лучшие рукописи A и C, а также древние свидетельства — Ориген (III. 26), Эней Тазский (Migne. LXXXV.993) и Иоанн Цец (Chil. II.733). Таким образом, в данном отрывке содержится утверждение, что между исчезновением Аристея из его родного Проконнеса и появлением в Метапонте прошло 240 лет. После последнего события прошло еще некоторое время, достаточное для сооружения статуи Аристея и алтаря Аполлона на городской агоре, которые мог видеть Геродот.

Скорее всего Геродот посетил Метапонт около 443 г. до н. э., когда он принял активное участие в основании общегреческой колонии Фурии неподалеку от Метапонта. Во всяком случае, это вряд ли случилось значительно позже. Если прибавить к этой дате названные им 240 лет и 7 лет, которые прошли между первым и вторым исчезновением Аристея, то мы получим 690 г. до н. э. В то же время известно, что колония на Проконнесе была основана примерно в это же время⁷⁴, так что время жизни проконнесца Аристея не может датироваться ни более ранним, ни даже этим временем. Таким образом, получается (если принять хронологические выкладки Геродота), что появление Аристея в Метапонте должно было произойти одновременно с посещением этого города «отцом истории». Однако это противоречит словам самого Геродота — посольство в Дельфы и строительство алтаря или храма Аполлона и статуи Аристея требовали определенного времени, а кроме того, если бы описывались события, свидетелем или современником которых был сам Геродот, он, конечно, не преминул бы на это указать. Кстати, именно так понял Геродота Иоанн Цец (Chil. II. 733—735):

*καὶ μετὰ διακόσια δις εἴκοσι τὰ ἔτη
ἐφ' Ἠρόδοτου γέγονε, καὶ πάλιν ἀεφάνη,
ὡσπερ φησὶν Ἠρόδοτος· εἰ δ' ἀληθές οὐκ οἶδα*

«и после того, как двести и дважды двадцать лет при Геродоте исполнилось, вновь появился, как говорит Геродот; правда ли это, не знаю».

В связи со сказанным кажется в высшей степени удачной конъектура Э. Швицера⁷⁵ *συκκρήσας* вместо *συκκρήσαντα*, в результате чего перевод

⁷⁴ Burn A. R. Dates in Early Greek History // JHS. 1935. 60. P. 132.

⁷⁵ Schwyzer E. Herodotea // Philologische Wochenschrift. 1922. Col. 528.

изменяется: «следующее я знаю, встретившись с италийскими метапонтянами на 240-й год после второго исчезновения Аристея...»⁷⁶. В результате этой конъектуры удается избежать упомянутой странной хронологической «тесноты» геродотовского текста. Такое определение даты, кроме того, вполне соответствовало бы обычному способу, принятому Геродотом в его хронологических калькуляциях и указаниях — опорной точкой в них, как правило, является время жизни самого Геродота (ἐς ἐμὲ)⁷⁷. Более того, такое понимание текста Геродота хорошо согласуется с другими независимыми или лишь отчасти зависимыми от него сообщениями об Аристее. Такие свидетельства говорят о том, что он появился в Сицилии (Apoll. Mirabil. 2) или на дороге в Кротон (Plut. Romul. 28) одновременно со своей смертью (или мнимой смертью) в проконнесской сукновальне. Эти сообщения, очевидно, отражают ту же традицию, что и Геродот. Они вполне соответствуют и сообщениям о других людях, подобных Аристее, таких, как Гермотим Клазоменский, Эпименид Критский и др.⁷⁸, обладавших способностью появляться одновременно в отдаленных друг от друга местах.

Впрочем, какого чтения ни придерживаться, следует заметить, что предложенное Геродотом время жизни Аристея вступает в прямое противоречие с нашими сведениями о содержании «Аримаспей». Действительно, мы знаем, что Аристей Проконнесский упоминал киммерийцев. В то же время первое близкое знакомство греков с ними должно было произойти на рубеже 70—60-х гг. VII в. до н. э.⁷⁹, т. е. по меньшей мере через 20 лет после предполагаемой смерти Аристея. Поэтому даже авторы, доверяющие в целом традиции Геродота, вынуждены отказываться от даты, вытекающей из его сообщений, произвольно снижая ее⁸⁰.

Названная Геродотом дата — «за 240 лет до меня» — сама по себе весьма значительна. Как известно, вся догеродотовская хронология и хронология самого Геродота строилась на поколениях (γενεαί), приравненных к определенному количеству лет⁸¹. Нетрудно заметить, что 240 лет составляют ровно восемь поколений по 30 лет, т. е. датировка Геродота равнозначна утверждению «Аристей умер за восемь поколений до меня». Как известно, сам Геродот в своих хронологических калькуляциях исходил из того, что в век умещается ровно три поколения (II. 142) и все его собственные расчеты строились на этом принципе. Учитывая это, можно было бы сделать вывод о том, что информация об Аристее заимствована Геродотом из какого-то письменного источника, автор которого придерживался более распространенного представления о продолжительности поколения в 30 лет⁸², и датировка Аристея содержалась уже в этом

⁷⁶ Сомнения К. Мойли (Op. cit. S. 154. Anm. 2) и Дж. Болтона (Op. cit. P. 131) в этой конъектуре не убеждают. Дж. Болтон отвергает ее на основании того, что συγχεῖσθαι должно обязательно означать «встретиться случайно», а Геродот оказался в Метапонте не случайно. С таким же успехом можно сказать, что συγχεῖσθαι должно означать «случайно происшедшее», и потому данное чтение не подходит. В действительности συγχεῖσθαι означает просто «встретить» (ср. Herod. VIII. 92. 1: συγχεῖσθαι πᾶσι), «случаться, происходить» (LSJ. s. v.; ср. Herod. I. 119).

⁷⁷ См. Prakken D. Studies in Greek Genealogical Chronology. Lancaster, 1943. P. 18—49.

⁷⁸ Rohde E. Psyche Bd II. Tübingen—Lpz, 1903³. S. 94 ff.

⁷⁹ Источники и их датировки см.: Cogan M., Tadmor H. Gyges and Ashurbanipal // Orientalia. 1977. 46. P. 65 ff.

⁸⁰ Bolton. Op. cit. P. 3 ff.

⁸¹ См. Prakken. Op. cit. Passim.

⁸² Prakken. Op. cit. P. 5—17.

источнике. Однако такой вывод был бы слишком поспешным. Дело в том, что сам Геродот относился к цифрам в собственных подсчетах с вопиющей небрежностью. В частности, можно привести то самое место (II.142), на котором основывается наше представление о хронологической системе Геродота. Здесь он, сказав, что 300 поколений составляют 10 000 лет, поскольку три поколения — 100 лет, неожиданно утверждает, что 41 поколение составляет 1340 лет (а не 1367, как ожидалось бы). Другие примеры небрежного обращения Геродота с цифрами достаточно известны⁸³, поэтому исходя из них можно предположить, что цифру 240 Геродот получил при таком же небрежном переводе восьми поколений по $33 \frac{1}{3}$ года в года, как это сделано в пассаже II. 142, где картина совершенно аналогичная: остаток от числа поколений, укладываемых в целые сотни лет, — два приравнивается к 40 годам (почему выбирается эта цифра, остается лишь гадать⁸⁴). Можно обратить также внимание на прямое указание Геродота о том, что цифру 240 он получил в результате собственных изысканий. Таким образом, остается неясным, получена ли она из письменного источника или автор высчитал ее сам (второе кажется более вероятным), хотя в любом случае ясно, что она получена в результате поздней калькуляции на основании данных генеалогической хронологии. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что время жизни Аристея, по Геродоту, совпадает со временем основания колонии не только на Проконнесе, но и в Метапонте. При этом чрезвычайно важно, что все наши сведения о почитании Аристея как героя относятся к Метапонту (или другим центрам Италии), а «проконнесская» часть сообщений о нем имеет совершенно бытового характер⁸⁵.

Объяснение совпадению времени основания Метапонта и времени явления в нем героя, реально пользовавшегося почитанием, можно предложить двоякое. Если исходить из того, что Аристей был реальным человеком, то наиболее естественно предположение о том, что он почитался в Метапонте как ойкист, что, как известно, было наиболее частой (а в раннее время чуть ли не единственной) причиной героизации⁸⁶. В пользу этого может говорить сам факт существования на метапонтийской агоре в V в. до н. э. статуи Аристея. Как известно, на афинской агоре вплоть до времени Демосфена не было статуй людей, помимо изображения тираноубийц (Arist. Rhet. I. 9. 38; Dem. XXIII, 196), во всех полисах почитавшихся наравне с ойкистами. На агоре многих античных полисов, особенно в ранний период, существовали лишь статуи основателей или спасителей городов⁸⁷. Однако против такого предположения свидетельствует

⁸³ Aly W. Volksmärchen, Sage und Novelle bei Herodot und seinen Zeitgenossen, Göttingen, 1921. S. 74—75.

⁸⁴ Об употреблении цифры 40 Геродотом см.: Шишова И. А. О достоверности географических сведений в скифском рассказе Геродота // Летописи и хроники. 1980. М., 1981. С. 25 сл.

⁸⁵ Ошибочно мнение о том, что в Проконнесе существовала статуя, изображающая душу Аристея вылетающей в виде ворона из его рта (Phillips. Op. cit. P. 162), основывающееся на неверном переводе слов Плиния (N H. VII. 174.8): «reperimus inter exempla... Aristeeae (sc. animam) etiam visam evolantem ex ore in Proconneso corvi effigie» — «находим среди примеров... также (душу) Аристея, которую видели в Проконнесе вылетающей из рта подобием (призраком, конечно, а не статуей!) ворона».

⁸⁶ См. специально: Λαμπρός Σ. Π. Τα κατά τους οικιστάς τών καί προνομίας. Diss. B., 1873; ср. Farnell L. R. Greek Hero Cults and Ideas of Immortality. Oxf., 1921. P. 361 ff.

⁸⁷ Martin R. Recherches sur l'agora grecque. Etude d'histoire et d'architecture urbaines. P., 1954. P. 197 ff.; Гумадеев Р. А. ΗΡΩΩΣ ΗΡΟΔΟΤΟΣ?// ВДИ. 1986. № 4. С. 78 слл.

сообщение Аполлония (Mirab. 2, 2, из Феопомпа⁸⁸) о том, что Аристею воздавались героические почести не только в Метапонте, но и на Сицилии.

Поэтому более вероятно, что метапонтийский герой Аристей не был историческим лицом. Уже высказывалось мнение о том, что Аристей (Ἀριστήας) у Геродота смешан с героем Аристаем (Ἀρισταῖος, будем называть его так против общих правил транскрипции, в отличие от Аристея)⁸⁹, причем эта ошибка была приписана Геродоту⁹⁰. Легкость такого смешения подтверждается данными более поздних источников, где Аристей выступает под именем Ἀρισταῖος (Dion. Hal. Th. 23; Paus. V.7,9 cod. β; Iambl. Vit. Pyth. 138; Greg. Naz. IV (adv. Iul. I), 59; Eust. ad II. II. 730; Euseb. P. E. X. 2.27). Предположение о том, что в Метапонте пользовался почитанием именно Ариста́й, подтверждается рядом соображений. Прежде всего необходимо заметить, что он был теснейшим образом связан с Аполлоном, причем статуя героя находилась рядом с храмом последнего на центральной площади (Herod. IV.15; Athen. XIII. 605 с, возможно, имеется в виду и просто алтарь). Ἀρισταῖος же, как известно, был сыном Аполлона, часто почитался вместе с ним и даже (сливаясь в один образ с богом) передавал ему свое имя, в результате чего оно превращалось лишь в эпikleзу⁹¹. Чрезвычайно важно то, что Ариста́й был аркадским героем⁹², причем он упоминается как глава аркадцев при переселениях (Nonn. Dionys. XIII. 275; Schol. Apoll. Rhod. II. 498; Justin. 13.7; видимо, к тому же кругу следует отнести и почитание Аристая в Кирене, в колонизации которой принимали участие и аркадцы), так что культ Аристая в аркадском Метапонте вполне уместен. Чрезвычайно интересно, что, согласно одной из версий, Аполлон, выполняя свою функцию Архегета, вел основателей Кирены, основного места почитания Аристая, в облики ворона⁹³ (Callim, II. 66). Это удивительным образом совпадает с обликом метапонтийского Аристея — он, согласно Геродоту, посетил Метапонт в свите Аполлона именно в облики ворона. В связи с этим можно предположить, что, согласно местной метапонтийской традиции, Ариста́й совместно с Аполлоном играл важную роль в основании города (ср. роль Аполлона-ворона как водителя переселенцев; Schol. Aristoph. Nub. 133 — беотийцы; Athen. VIII. 61, 360e — Магнесия). Покровительство выведению колоний было, как известно, одной из основных функций Аполлона, почитавшегося при этом с эпитетами Ἀρχηγέτης, Κτιστής, Οἰκιστής⁹⁴, причем важно, что такие случаи в большом количестве засвидетельствованы именно для Италии (халкидские колонии, в том числе Регий — Strabo. VI.1.4—5; Наксос на Сицилии — Thuc. VI.3.4; Тарент — Poll. Onom. 9.80; Prob. ad Verg. Georg. II.197; ср. Plin. NH. IX.28; Фурии — Diod. XII.35.1—4). Наличие таких известий наряду с сообщением Геродота, что метапонтийцы утверждают, будто Аполлон приходил в страну к ним единственным из италиотов, дополнительно подтверждает, что в своем рассказе об Аристее Геродот

⁸⁸ Bolton. Op. cit. P. 120, 199.

⁸⁹ См. о нем: Gärtlingen H. von Aristaios // RE. 1896. Bd 11. Sp. 852 ff.

⁹⁰ Kirchhoff A. Ein Irrtum bei Herodot // Genethliakon zum Buttmanstage 5. December 1899. B., 1899. S. 1 ff.

⁹¹ Gruppe O. Griechische Mythologie und Religionsgeschichte. Bd I. München, 1906. S. 234. Anm. 15; с источниками, ср. S. 1093.

⁹² Ibid. S. 255—256, с источниками.

⁹³ О значении этой птицы в греческой мифологии см. Keller O. Rabe und Krähe in Altertum. Progr. der Wiss. Vereins. Prag, 1893.

⁹⁴ См. подробно с источниками: Gruppe. Op. cit. Bd II. S. 1230 ff.

действительно основывался на местной метапонтийской традиции и, следовательно, к ней восходит и датировка героя.

Имеется и еще одно знаменательное совпадение между образами Аристея и героя Аристая. Последний почитался культурным героем, которому кроме других изобретений приписывалось и распространение оливководства (Diod. IV.82). В то же время Павсаний сообщает, что Аристей Проконнеский из своего путешествия к гиперборейцам принес до тех пор неизвестную оливу (I.24.6). Кроме того, облику культурного героя соответствует и поведение Аристея во время его появления в Сицилии (Apoll. Mirab. 2: Ἀριστεῖαν... θεορῶνται ἡρώδῃα διδάσκοντα). Все эти черты, которые трудно объяснить исходя из образа реального поэта Аристея Проконнеского, оказываются вполне характерными для мифического героя Аристая, сына Аполлона, иногда с ним отождествлявшегося.

Совершенно аналогичное смешение Аристея с Аристаем прослеживается не только в Метапонте, но и в Сицилии, где, по одним сведениям, героические почести воздавались Аристею Проконнескому, а по другим — Аристаю, сыгравшему, кстати, согласно традиции, значительную роль при заселении острова (Cic. Verr. act. sec. IV.57, 128; Diod. IV.82; Apoll. Mirab. 2), что также соответствует предполагаемой нами роли героя в Метапонте.

Однако контаминацию между Аристеем Проконнеским и Аристаем Метапонтийским нельзя приписывать Геродоту, поскольку она характерна и для источников, от него независимых (например, Apoll. Mirab. 2; Athen. XIII. 605 c—d), поэтому можно считать, что Геродот в Метапонте слышал рассказы уже о контаминированном Аристее-Аристае. Уже отмечалось, что в известном нам из античной традиции образе Аристея многое объясняется влиянием пифагорейства⁹⁵. Это вполне понятно — ведь Метапонт был городом, где закончил свою жизнь Пифагор и продолжала существовать его школа. Метапонтийский герой Аристай, тесно связанный с любимым богом пифагорейцев Аполлоном, должен был найти свое место в пифагорейской традиции. В связи с этим следует напомнить о том, что, согласно достаточно раннему свидетельству (Arist. Fr. 191 Rose = Ael. VH. II.26; Apoll. Mirab. 6; Diog. Laert. VIII.11; Porphir. VP.28), в Кротоне и Метапонте Пифагора считали Аполлоном Гиперборейским⁹⁶. Видимо, это говорит о том, что культ Аполлона в Метапонте (а значит, и связанный с ним культ Аристая) был изначально привязан к гиперборейцам, и Пифагор объявил себя популярным божеством, приспособив определенные черты его культа к своему учению. Подтверждением этому предположению может служить сообщение Афинейя, в котором наиболее явно выступает героический и культовый облик метапонтийского Аристея (XIII. 605 c—d, видимо, из Феопомпа⁹⁷) и согласно которому Аристей прибыл в Метапонт от гипербореев. При приспособлении образа метапонтийского героя к пифагорейству его древние черты подверглись перетолкованию и приобрели тот облик, который они имеют уже у Геродота и который объяснить иначе как влиянием пифагорейства чрезвычайно трудно. Так, древняя связь Аристая с вороном была истолкована в духе метампсихоза. В то же время в его истории появились и новые черты, например способность находиться одновременно в нескольких местах, которой об-

⁹⁵ Bolton. Op. cit. P. 142—175.

⁹⁶ См. подробный разбор этой части традиции: Crossen P. Der Abaris des Heraklides Ponticus. Ein Beitrag zur Geschichte der Pythagoraslegende // RhM. 1912. 67. S. 29 ff.

⁹⁷ Jacoby F. FGh. IIB. S. 589. Fr. 248.

ладал и сам Пифагор ⁹⁸. Столь быстрое приспособление Аристая-Аристей к пифагореизму (уже в 40-е годы V в. до н. э., когда Геродот имел возможность посетить Метапонт), к тому же существовавшее не в литературе, а в устной традиции, легче всего объяснить, если предположить, что сам Аристей Проконнесский принадлежал к числу ранних пифагорейцев, что хронологически вполне соответствовало бы полученной нами дате создания его поэмы. В таком случае, видимо, Аристей надо считать одним из ионийских иммигрантов в Великой Греции, которых в конце VI—V вв. до н. э. там было очень много и к числу которых принадлежал и сам Пифагор, и такие крупные деятели, как Ксенофан или Ион Хиосский ⁹⁹. Подтверждением такому предположению может служить упоминание в числе непосредственных учеников Пифагора Аристей Метапонтийского (Iambl. Vit. Pyth. 267), более нигде не упоминаемого, а также Аристая, сына Дамофона (ср. колебания в отечестве Аристей у Суды), ставшего после смерти Пифагора главой его школы. Возможно, здесь произошло раздвоение одного персонажа. Вполне возможно, что об этом ученике Пифагора существовали такие же рассказы, как и об его учителе. В таком случае, если сам Пифагор — Аполлон Гиперборейский, то почему бы его ученику не быть героем Аристаем, его спутником, также пришедшим от гипербореев и сопроводившим своего учителя в прошлом рождении в виде ворона? Конечно, из-за скудости источников это предположение доказать невозможно, однако если не считать реальной связь между Пифагором и Аристеем, то трудно объяснить совершенно отчетливый отпечаток пифагореизма на образе последнего в рассказе о нем Геродота, услышанном, видимо, в Метапонте в 40-е гг. V в. до н. э., т. е. всего через полвека после смерти Пифагора. Если же вспомнить, что подобная геродотовской история об Аристее была известна уже и Пиндару (Orig. Contra Cels. III.26), то отрицать реальность связи Аристей с пифагорейцами еще труднее. К этому можно добавить, что Аристей пользовался большим почетом у поздних пифагорейцев, которые считали его своим учителем и стремились ему подражать (Iambl. Vit. Pyth. 138). Если связь Аристей с пифагореизмом реальна, мы получаем еще один ориентир для датировки «Аримаспеи», совпадающий с данными, полученными ранее.

Подводя итоги, следует сказать, что «Аримаспея» Аристей Проконнеского была написана во второй половине, вероятнее всего, в конце VI — первой четверти V в. до н. э. под влиянием ионийской историко-географической литературы и, как того требует жанр, эпоса. Совпадающая с реальной датировка Аристей, восходящая к эллинистическим филологам, сохранилась в словаре Суды. Аристей скорее всего был одним из ранних пифагорейцев. Большая часть античных сообщений о нем, в том числе и рассказ Геродота с датировкой смерти Аристей — самое позднее 690 г. до н. э. — восходят к традиции, в которой реальный поэт был контаминирован с метапонтийским героем Аристаем, связанным с культом Аполлона и гиперборейями, а также игравшим большую роль в саге об основании города. Эта контаминация, возможно, принадлежит самому Аристее Проконнескому или другим ранним пифагорейцам и отражает пифагорейское мифотворчество, связанное с идеями метампсихоза.

⁹⁸ См. Crossen. Op. cit. S. 44, с источниками; ср. Meuli. Op. cit. S. 159.

⁹⁹ Впрочем, это не обязательно, поскольку Пифагор уже в начале V в. был широко известен и за пределами Италии; см.: Жмудь Л. Я. Пифагор в ранней традиции // ВДИ. 1985. № 2. С. 136, с литературой.

THE DATE OF THE «ARIMASPEA» OF ARISTEAS
OF PROCONNESOS

A. I. Ivanchik

In order to date the «Arimaspea» of Aristeas of Proconnesos the author has analysed the excerpts of it preserved in Ioannes Tzetzes' «Chiliades» and in the writings by pseudo-Longinos. Their authenticity and the upper limit of the poem's date are determined by the fact that one of these fragments was cited by Xenophanes. Analysis of the fragments shows that their usage corresponds to that of the second half of the 6th century and the 5th century B. C. It has been established that Aristeas was familiar with the pseudo-Hesiodic «Catalogue of Women» and works by the early Ionian logographers, and that the «Arimaspea» was not known to Alcman. This all dates the poem to the end of the 6th century or first quarter of the 5th century B. C. This corresponds the Suda's dating which seems authentic. Herodotus dated the poem to the early 7th century B. C. owing to a contamination of the poet with the hero Aristatios, son of Apollo, who played an important role in the legend of the founding of Metapontos. This contamination was a result of the myth-making of the early Pythagoreans, one of whom, seemingly, was Aristeas of Proconnesos himself.